

417.01

**ГУРТ/БЁРИ/МЁДЖЕК ‘ВОЛК’ И ЕГО ОБРАЗ В ДРЕВНЕЙ И
СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**
GURT/BÖRI/MÖJEK ‘A WOLF’ AND ITS IMAGE IN AN ANCIENT
AND MODERN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Мурадгелди СОЕГОВ*

Резюме

В статье путем анализа соответствующих источников, прежде всего языковых и фольклорных, рассматриваются вопросы о месте и роли образа волка в системе вырисовывающихся древних и современных языковых картин мира у туркменского народа.

Ключевые слова: волк, насекомые, табу, эвфемизм, образ, саркальность, сказка.

Abstract

In article by the analysis of corresponding sources, first of all language and folklore, question on a place and a role of an image of a wolf in system of drawing in detail ancient and modern language pictures of the world at the Turkmen people are considered.

Keywords: a wolf, insects, a taboo, an euphemism, an image, sarcasm, a fairytale

Порядок слов в синонимичном ряду, выстроенном нами выше в заголовке статьи состоящем из лексем *гурт* (*gurt*, орфоэп. *gu:rt*), *бёри* (*böri*, орфоэп. *bö:ri*) и *мёджек* (*möjek*, орфоэп. *mö:jök*) со значением ‘волк’, соответствует их распространенности и частоте употребления в современном туркменском литературном языке, хотя в настоящее время отличие от старого письменного языка научным биологическим термином для обозначения хищного животного (лат. *Canis lupus*) семейства псовых (*Canidae*) выступает последняя из них, т.е. *мёджек*. Тем не менее, слово *мёджек* по своему происхождению является эвфемизмом и первоначально носило семантику ‘насекомое’ (*mör-töjek*, *möjejikler*; в турецк. *böcek*), лишь потом в результате существовавшего у туркмен табу в отношении волка приобрело новое значение и стало выступать наряду с лексемами *гурт* и *бёри* в указанном выше синонимичном ряду. Несмотря на это, в настоящее время оно (*мёджек*) почти полностью вытеснило из текста туркменских народных сказок слов *гурт* и *бёри*. Последние

* Академик АН Туркменистана, профессор, доктор филологических наук, Национальный институт рукописей АНТ, г. Ашхабад-Туркменистан.
The National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat.
msoyegov@gmail.com

продолжают сохранять свои позиции в основном в пословицах и поговорках: *Гурт чагасы экдиболмаз* [*Gurt çagasy ekdi bolmaz*] ‘Волчонка одомашнить не возможно’; *Оба огрусызболмаз, даг – бёрюсиз* [*Oba ogrusyz bolmaz, dag – bürüsiz*] ‘Сёла (люди) не бывают без вора, а горы – без волка’; *Ит хем аппруклыгын гурда билдирmez* [*It hem arryklygyn gurda bildirmez*] ‘Собака не позволит знать волку о своей неупитанности (т.е. о своих недостатках перед схваткой)’ и т.п.

Гурт [*gu:rt*], как имёджек [*möjek*], имеет свой синоним из насекомых, но он обозначает их личинку: гурт дюшен эт [*gurt düşen et*] ‘червивое мясо’ и др. *Бёри* [*böri*] в своей фонетически измененной форме *бюре* [*büre*, орфоэп. *bürö*] обозначает блоху. Ср. *буре* ‘волк’ – название некоторых башкирских родов. Еще в языке отдельных орхоно-енисейских памятников *гурт* с начальным глухим согласным звуком [*курт*] использовался и как ‘волк’, и как ‘червь’, а *бёри* [*böri*] – только в значении ‘волк’ [1. 784, 845]. Махмуд Кашгарский слово *курт* [*kurt*] с пометкой огузск. в своем знаменитом словаре зафиксировал так же в значениях ‘червь’ и ‘волк’ [2. 383]. Что касается слова *мёджек* [*möjek*], оно в старых памятниках туркменского языка вообще не было зафиксировано.

Таким образом, не трудно предположить, что ни одна из лексем синонимичного ряда *гурт* /*бёри*/ *мёджек*, не владела первоначально семантикой ‘волк’. Все они приобрели данное значение в результате табу и являются эвфемизмами.

Как известно, согласно китайским источникам волчица выступает прародительницей тюркских народов (в частности, гёктюрков – рода ашина). Покойный профессор из Петербурга С.Г. Кляшторный в своей статье “Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина)”, ссылаясь на существующую литературу, комментировал две китайские исторические легенды о волчице следующими словами: Согласно первой легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота (по Бей ши и Суй шу – на правом берегу Си хай – “Западного моря”), были истреблены воинами соседнего племени. В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого спасла от голодной смерти волчица. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших последнего из истребленного племени, волчица бежит в горы севернее Гаочана. Там в пещере она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасённый ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана и создают свои роды; один из сыновей носит имя Ашина, и оно становится именем его рода. Ашина, который

оказался способнее своих братьев, стал вождём нового племени. Впоследствии число родов увеличилось до нескольких сот. Вождь племени, один из наследников Ашина, Асян-шад вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае (Циньшань), где они становятся подданными жуань-жуаней, добывая и обрабатывая для них железо. На Алтае племя принимает наименование тюрк, которое, согласно легенде, связано с местным названием Алтайских гор. По второй легенде, предки племени тюрк происходят из владения Со. Глава племени Абанбу имел семнадцать братьев, один из которых, Ичжинишиду, назван «сыном волчицы». Владение Со было уничтожено врагами, а спасшиеся роды рассеялись. Благодаря сверхъестественным способностям «сына волчицы» Ичжинишиду его род оказался в наиболее благоприятном положении. Его старший сын Нодулу-шад поселился в Цзянсы Чжучжешу. К роду Нодулу-шада присоединился и собственный род Абанбу. Нодулу-шад имел десять жён, сыновья которых носили родовые имена матерей. Сыном его младшей жены был Ашина, который, став вождём, принял имя Асян-шад. Ему наследовал его сын или племянник Туу. Сын Туу, Тумынь (Бумын рунических текстов) стал основателем каганата. Автор раздела о тюрках в Чжоу шу отмечает, сравнивая обе легенды: «Хотя это сообщение отличается от другого (от первой легенды), они совпадают в том, что тюрки происходят от волчицы» [3].

Указанные китайские легенды не содержат сведения о том, как сами древние тюрки (и их предки хунны) называли волка, а ашина точно не тюркское (хуннское) слово. Название древнетюркского конно-спортивного соревнования в туркменском языке (диалектн.) обозначается словосочетанием *гёк бёри* [*gök böri*] 'серый волк' (другое название *овлакчанды*), которому в современном турецком языке соответствует *боз курт* [*bozkurt*] 'в том же значении', но используемый обычно для национально-политических целей. Эти два словосочетания вряд ли содержат древнее, первоначальное название волка.

Очевидно, яркая саркальность в образе волка при отражении в языковой картине туркмен и других тюрков сохранился до окончательного утверждения среди них ислама в качестве нового мироощущения, и в последующем саркальный образ волка постепенно потускнел и современем исчез полностью. В этой связи следует вспомнить следующие слова академика А.Н. Венгрии, профессора Будапештского университета Армения Вамбери (1832–1913),

побывавшего среди населения сначала Западной и Северной Туркмении, а затем и Восточной ее части во время своего рискованного путешествия в Бухару и Хиву, предпринятого им в 1863 году: *“У обитателей пустынь есть владыка древний, могучий, незримый для них самих – это деб (нрав, обычай). Строго держится туркмен того, что повелевает деб, и без оглядки бежит того, что он запрещает. Рядом с дебом, в известных случаях, стоит также и религия, но она далеко не оказывает того явления, которое ей приписывает, хотя и перенесена сюда из фанатической Бухары... Ислам не только у туркмен, но и вообще у всех кочевников Средней Азии изменил только форму старой религии (т.е. тенгрианства – М.С.): чем для них прежде были солнце, огонь и другие явления природы, тем стали теперь Аллах и Магамет, внутренняя жизнь осталась не тронутой, и кочевник теперь тот же, каким он был 2000 лет тому назад”* [4. 270–271]. Правдивость этих утверждений в целом не вызывает сомнения, но они не находят своего подтверждения в отношении бывших саркальных животных и птиц, в первую очередь волка, которого мусульманское миропонимание снабдил другими свойствами, нежели он имел в своем древнем языковом образе у туркмен и других тюркских народов. Как известно, в “Огузнаме”, выполненном на древнеуйгурском алфавите, сопровождает Огуз-кагана в его боевом походе серый волк (*кёк ялуг бир эркек бёри*), который не был включен в его позднейшие “исламизированные” тексты (Рашид-ед-Дин, Абу-л-Гази и др.) Великий туркменский поэт-классик Махтумкули Фраги (ок. 1724 – ок. 1810) на основе распространенного иудейско-христианско-исламского сюжета об Иосифе, и используя при этом данные из книги “Кысас ул-Енбия”, создал небольшую поэму под названием “Повесть о Юсупе”. Приводим ее начальные стихи, где присутствует описание события, связанного с волком (перевод А. Тарковского) [5. 80]:

Из древней книги “Жития пророков”

Особенно я полюбил, друзья,

Рассказ о многих бедствиях Юсуна.

Как мед устам, он сердцу мил, друзья.

Юсуново спокойствие в страданьи –

Для нас благой пример и назиданье.

Жил муж Якуб, как говорил преданье,

Из рода Ялавач он был, друзья.

Шесть жён, двенадцать сыновей имел он,

*Несчастье от Бога претерпел он,
И выплакал глаза, пока стерпел он:
Его создатель ослепил, друзья.
Где сын его? Нет милого сновидца!
В колодец кинут братьями, томится
Юсуп злосчастный. Бога не боится
Ни брат Шумгун, ни брат Рубыл, друзья.
Они пригнали волка и сказали:
"Юсуна звери злые растерзали".
Якуп взмолился небесам в печали,
И волк тогда заговорил, друзья.
Якуп сказал: "Поддай мне весть о сыне.
Следы его три дня ищу в пустыне".
Волк, возвестив: "Юсуп твой жив и ныне!" –
Отцу надежду возвратил, друзья.
А Юсуна вся душа изныла:
Колодец нем и тесен, как могила.
Но Бог послал на землю Джебраила,*

*И вот что сделал Джебраил, друзья:
Юсупу длань возложил на темя,
Трёх суток плена облегчая бремя;
К ногам его, когда настало время,
Поверг одиннадцать светил, друзья.*

Махтумкули в другой своей поэме ("Семь цветов мира") наряду с образами других птиц и животных передает вольчий образ в строфе, которая гласит (перевод А. Тарковского) [5. 326]:

*Воеет волк: "В глухом краю
Утоляю я злость мою,
Нападу на след – убью!
Я – разбойник и смутьян!"*

Эта строфа, по нашему мнению, наиболее точно отражает то место волка, который он занимает в современной картине мира не только у туркмен, но и многих других народов. Если Махтумкули и другие представители туркменской классики в своих произведениях в значении 'волк' пользовались словом *гурт* (*gurt*), то языку туркменских сказок, как отмечали выше, характерна лексема *мёджек* (*möjek*) 'в том же значении'.

В сказках "Волк и лица", "Как коза и баран напугали волков",

“Лиса, лев и волк”, которые были включены в сборник туркменских народных сказок “Проданный сон”, волк выступает достаточно глупым, грубым и жадным типом, и не наблюдается в этих сказках его древний образ. Лишь по сюжету сказки “Баран и волк” очень смутно можно представить картину о былых территориальных притензиях древних соседствующих народов друг к другу, но в сказке этот вопрос решается не в пользу волка. Ибо сказитель исходил уже не от духовных начал (волк – прародитель), а имел в виду в первую очередь материальную сторону (баран – шерсть, мясо). Образы лисички (ненадежная, коварная) и собаки (надежная, верная) в сказке могут олицетворять других союзников-народов в их борьбе друг с другом.

В конце статьи в качестве приложения приводим текст упомянутой сказки [Проданный]:

Бродил как-то по ущелью, поросшему травой, баран. Пришел туда волк.

– Эй, баран, это место – мое, разве ты не знаешь? – сказал он. – Почему ты пасешься в моем ущелье?

– Нет, настоящий хозяин ущелья – я, – отвечал баран, – С давних времен никого другого я в этом ущелье не видывал. Это ущелье, заросшее травой, тебе не нужно и не может быть твоим. Ступай себе, друг волк!

– Это ущелье досталось мне от отцов и дедов! Я – хозяин этого ущелья, – настаивал волк, – и я найду свидетеля. А у тебя, друг баран, есть свидетель?

– Уж я-то тем более его найду. Многие знают, что ущелье мое, – отвечал баран.

С тем они и разошлись. Волк пошел к лисичке и сказал ей:

– Эй, лисичка, я нашел для нас обоих жирную добычу. И не спрашивай, а иди!

– Что за добыча, друг волк? – спросила лисичка.

И волк рассказал:

– В одном ущелье пасется жирный баран. Я с ним поспорил и должен найти свидетеля. Пойдем со мной завтра – и ущелье отберем, и барана съедим!

– Очень хорошо, пойдем, друг волк, – сказала лисичка, обрадовавшись. А баран пришел в селение, увидел черную собаку, что лежала возле какого-то дома, и рассказал ей:

– Сегодня я пасся в ущелье, поросшем травой. Подошел ко мне волк и сказал: «Это ущелье мое со времен отцов и дедов. Настоящий хозяин этого места – я, волк! Почему ты пасешься в моем ущелье?» А я ему ответил: «Настоящий хозяин здесь – я. Никого другого в этом ущелье я не видывал. Ступай себе, друг волк!» Тогда волк сказал: «Я найду свидетеля. Ну а у тебя, друг баран, есть свидетель?» И я сказал ему! «Уж я-то тем более его найду, многие знают, что ущелье мое». О собака, если ты мне друг, помоги мне в этой беде!

– Не печалься, друг баран! Мы найдем какой-нибудь способ помочь тебе, – сказала собака. На следующий день отправились баран с собакой в ущелье. Пришли они, а волка еще не видать. Стало быть, не пришел еще. Тут собака и говорит барану:

М.Соегов. Гурт/бёри/мёджек 'волк' и его образ в древней и современной...

– Ну, баран, слушай внимательно. Я здесь лягу, спрячусь, а ты закидай меня верблюжьими колючками, чтобы волк и его свидетель меня не увидели. Собака спряталась. Глядь, а там с горы бежит волк. А следом за ним лисичка. Стало быть, она его свидетель.

– Ты видишь? – сказал волк лисе. – Дело облегчается. Он бродит один. Даже свидетеля найти не смог! Мы и ущелье отберем, и барана съедим!

Лисичка подбежала к барану и спрашивает!

– Эй, баран, почему ты бродишь в чужом месте?

– А знаешь ли ты, чье это ущелье? – ответил баран.

– Мы-то очень хорошо это знаем, – сказала лисичка, – Это ущелье ничьим, кроме волка, быть не может. Так мы слышали.

– Ну, друг баран, пришел ли твой свидетель? – спросил волк, – Что-то мы его не видим.

– О друг, мне свидетель не нужен, – отвечал баран, – А вот если слова твои – правда, перепрыгни через эти колючки туда и обратно. После этого пусть ущелье будет твоим!

– Ну что тут особенного, это и я могу сделать, – сказала лисичка.

Разбежалась она, подпрыгнула, но заметила нос собаки и отпрыгнула.

– Нет, я не лгунья, я не могу давать ложной клятвы, – проговорила лисичка и убежала.

Только волк собрался прыгнуть сам, а собака как схватит его за горло и давай душить.

– Ой, друг волк, тебя поразила ложная клятва, – крикнула, оглянувшись, лисичка и побежала прочь. А собака убила волка, и они с бараном вернулись в селение.

Так ущелье осталось за ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Orkun H.N. *Eski Türk Yazitlari [Yeni baski]*. Ankara, 1986 (1987).
2. *Divanü Lugat-it-Türk Dizini Endeks*. Yazan: Besim Atalay. Ankara, 1986.
3. Кляшторный С.Г. (1965) *Проблемы ранней истории племени түрк (ашина) // Новое в советской археологии / МИА № 130*. М.: С. 278-281. См.: <http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-sg-1965.htm> (01.12.2014).
4. Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии*. Изд. 2-ое. Москва. 1874.
5. Махтумкули. *Избранное. Стихи*. Перевод с туркменского. Москва. 1983.
6. *Проданный сон*. Туркменские народные сказки. Москва, 1969.